

Эри-Фондарт: прил. к - Архивистам и фактам: - 1996. - № 18. - С. 6,
ЛИМОНАРД

Как Лимонов Хемингуэя с Бродским победил

У Эдуарда ЛИМОНОВА вышел двухтомник рассказов "Чужой в незнакомом городе". Можно любить или не любить творчество этого писателя, но невозможно не признать, что на сегодняшний день - это одно из действующих лиц нашего культурного процесса. Лимонов раздражает, Лимонов эпатирует, Лимонов удивляет. Лимонов - в постоянном движении. Проза "заматеревшего, густопсового Лимонова" (выражение автора) - тому подтверждение. Все, что про Лимонова не говорят, он сам за себя скажет. Без тени смущения.

- Труднее ли вам было писать рассказы, чем романы? Создается впечатление, что романы из вас "хлестали", а рассказы писались труднее.

- Не знаю - почему труднее? Не труднее и не легче - это ведь другой жанр. Есть рассказы, которыми я горжусь не меньше, чем романами. Скажем, у меня есть рассказ "Те самые", уже написав его, я вспомнил о знаменитом рассказе Хемингуэя "Убийцы". Я подумал, что написал и короче, и лучше. Ужас моего рассказа - подспудный, никто никого не режет, не вымогает деньги, все построено на микроскопических деталях... Это было своеобразное соревнование, и считаю, что я его выиграл.

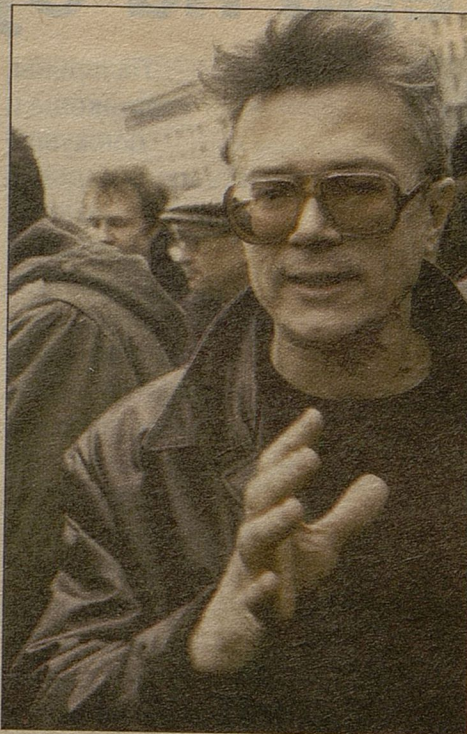
- Вы говорите, что выиграла у Хемингуэя соревнование. Но разве Хемингуэй не выиграл уже тем, что написал свой рассказ первым?

- Почему же. Вовсе нет. Конечно, читателя все это не касается, он видит результат, но это мои счеты с великими и попытка их переиграть. Как есть у меня роман "Смерть современных героев" на тему Венеции - это, как вы знаете, вечная тема - "Смерть в Венеции", "В тени деревьев", это тоже спор с великими и попытка сделать свою Венецию. У меня Венеция - поганая, она похожа на старую бомжиху,

которая прямо на тротуаре испражняется. Там другая романтика - отвратительно холодно, падает снег, вонючие, мерзкие каналы. Читатель находит в романе что-то свое, какую-то человеческую драму, а у меня - свои мелкие удовольствия. Немного дать в нос тому, тому... Но соревнование - это не так важно, важен результат...

- Почему, на ваш взгляд, вас интересно читать?

- Это нервная, живая и интересная проза. Да, я талантлив, что тут можно сказать! Талантлив, плюс к тому - я человек, который в свое время наплевал на все авторитеты, на все каноны. Один, слава Богу, всегда пасся, учился как-нибудь и где-нибудь. И сегодня я "пришелся" ко времени, хотя многие вещи написаны и в 70-е, и в 80-е годы. Мне повезло, что эпоха такая - нервная, дерганая. И книги мои такие - пошлые, вульгарные, дерганные. И эпоха такая - похабная. И я считаю, что не повезло, например, Бродскому, поманем, кстати, и его, потому что у него исчез читатель. Такая драма у него - вот он поэт, крупный, ну не будем называть его великим, это достаточно глупо, пусть пройдут годы, и тогда что-нибудь решится. Я не считаю его великим, я думаю, что он поэт высокого ранга, генеральского, но не великий. Ну ему

не повезло, кончилась эпоха застоя, а он поэт застоя и эпохи застоя. А сейчас невращения явилась, ему этого не хватает. Его в кресле-качалке надо было читать... Сидя на даче.

- Считаете ли вы себя сентиментальным человеком и сентиментальным писателем?

- Сентиментальный? Страстный, наверное. Я терпеть не могу плача и плачущих людей. Мои герои, да и я сам - скорее стоический, героически настроенный человек, который скептически смотрит на все слабости. Во

всяком случае он сам себя так представляет. Я не выношу воспоминаний Горького, он всегда над чем-то там рыдает. Люди, которые рыдают, у меня вызывают циничную злобу такую. Я могу пожалеть человека, но это не основное мое качество. Я жалею, но тем не менее без жалости оставляю людей и иду дальше.

- А вы хотели бы получить Нобелевскую премию?

- А нет! На фиг она нужна. Столько посредственностей ее получили - Жюли Приюдом какой-нибудь. Если бы это действительно была премия имени изобретателя динамита, Че Геваре ее дали бы, тут бы я сказал - да, конечно, дайте мне! А когда ее получают какие-то, извините, жо-пошники, сидящие на задницах, пишушие свои километры говна... Ну это наряду с полуторами десятков действительно достойных людей...

- Есть в вашей жизни неожиданности или вы уже смотрите на нее, как на цепочку повторений?

- Да ничего подобного. Поэтому я и занимаюсь тем, чем не занимался, это интересно. Если бы я сидел, как Генрих Саггир какой-нибудь, в Москве тридцать пять лет, ходил по тем же компаниям, читал бы свои стихи, изменяясь на три миллиметра в год... Нет, я хочу жить, как в детских книжках, - пиратом побыть, еще кем-нибудь. Пошел в пираты, пошел в националисты - что может быть страшнее, чем быть фашистом?

- Ну вы же не фашист...

- Я? Настоящий фашист. Но не в том, военном, смысле. Фашист - это в первую очередь индивидуальная судьба, судьба отверженных одиночек. Это героический жест, этот человек ищет свои корни где-то за пределами смерти. Его интересуют те вещи, которые большинству людей на фиг не нужны.

- Когда-то вы говорили, что не может быть старого Лимонова.

- Старость... Я, честно говоря, никогда не думал, что доживу до моих сегодняшних лет, я думал в свое время, что тридцать - это конец, как можно жить в таком возрасте! Но, перевалив за тридцать три, я понял, что жить можно и можно все время открывать что-то. Пока что-то происходит - жизнь возможна. А вообще - умри вовремя, как говорил Ницше.

- А вам бы не хотелось сейчас уюта, семейственности?

- Да есть уют. И семейственность. Мама моя, как всегда, чудовищно расстраивается: "Опять нашел себе девчонку! Двадцать два года! Она во внуки нам годится!"

- Расскажите о девушке.

- Зачем? У меня разные девушки бывают. Я могу признаться: меня обвиняют в чем угодно, вплоть до гомосексуализма, - но это все глупости и чепуха. Настоящая трагедия, которая меня еще ждет, в том, что я ненавижу женщин. Именно женщин в полном смысле - таких огромных монстров - в ботах, в шапках, красивых, размазанных до ушей. Я люблю девочек.

- Вы продолжаете по утрам размышлять о смерти?

- Нет, у меня сейчас так много проблем - не до того.

Дмитрий БЫКОВ,
Лариса ВИННИК